

тиной мира эпохи, будучи «открытым» в нее. Все четыре позиции являются вводными опорными параметрами.

Осуществленный спектакль «открыт» и на своем результате, т. е. в сторону зрителя. И в данном направлении рассматриваемая пространственно-пластическая система оказывается в зазоре между хронотопом зрителя до спектакля и его же хронотопом после спектакля. Таким образом, из континуальности четырех вводных выделяется дискретность самого произведения, которая снова поглощается континуальностью на выходе структуры. При этом информационный фантом вводных, развернутый пространственно-пластической системой, вновь сворачивается и уходит во внутренний мир зрителя. Как при создании, так и при декодировке произведения хронотоп создателей и реципиентов духовно изменяется. Катарсис понимается нами как высшая цель хронотопа театрального произведения. А механизм катарсиса — как скачок хронотопа спектакля на новый уровень в момент развоплощения пространственно-пластической системы в сознании зрителя. Это — момент, точечный акт передачи изначального импульса от создателей через пространственно-пластическую систему к зрителю.

Вопросы биографии и научного творчества Л. В. Пумпянского (из наблюдений о ленинградском периоде 1920—1940-х гг.)¹

ДЖ. ЛАРОККА

Недавно Н. А. Паньков издал важную работу «Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина»², которую он сам определил «своеобразным [...] вариантом жизнеописания Михаила Михайловича Бахтина»³. Как автор утверждает в предисловии, его целью было создать исследование, позволяющее воспринимать жизнь и деятельность Бахтина «не как готовый, твердый, устойчивый образ, а как текучий, живой процесс самосознания, незавершенную и незавершимую личность»⁴.

Тот же самый принцип можно применить к рассмотрению биографии и

¹ Приносим благодарность Н. И. Николаеву за помощь при обсуждении биографических вопросов, при исправлении текста и за его ценные и важные советы.

² Н. А. Паньков. Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина. М., 2010.

³ Там же. С. 4.

⁴ Там же.

творчества другой крупнейшей фигуры «Невельского кружка» — филолога и мыслителя Л. В. Пумпянского (1891—1940). Поскольку в его биографии имеется много утрат и лакун, касающихся, в частности, ленинградского периода его деятельности, целью данного сообщения является восстановление главнейших событий жизни мыслителя и *важнейших этапов его* литературоведческой деятельности, в период между его участием в «Вольфила» (1920—1921 гг.) и его кончиной (1940 г.). Если не принимать во внимание некоторые споры о начале этого долгого периода⁵, хотя с этой проблемой всё не так просто, учитывая отсутствие конкретных документов и запутанность и нерешенность обсуждаемых вопросов, то исследование следует начинать с тех осенних месяцев 1920 года, когда Пумпянский принял участие в собраниях «Воскресенья» философа А. А. Мейера, краеведа Н. П. Анциферова и др.

Вокруг «вопроса о “Воскресенье”» накопилось много страдающих неточностями предположений, согласно которым, например, деятельность этого религиозного кружка определяется прежде всего его «промасонской сущностью»⁶. Созданная в Петрограде в 1917 г. по инициативе выше упомянутых деятелей культуры, и закрытая в декабре 1928 г. как «нелегальное объединение антисоветски настроенной интеллигенции»⁷, группа «Воскресенье» никак не была «окультным обществом», но, наоборот, «открытым пространством», где собирались, как и во многих кружках того времени («Скифы», а потом «Вольфила»), люди, исповедующие разные политические убеждения и религиозные *кредо* (среди других, в группе приняли участие философ С. А. Аскольдов, литератор Е. П. Иванов, художник П. Ф. Смотрицкий, историк церкви А. В. Карташев, историк И. М. Гревс и, наконец, Л. В. Пумпянский и М. В. Юдина). Эти представители интеллигенции беседовали об истории культуры, истории религии, литературе и искусстве, читали и толковали Священное Писание, критиковали теорию о классовой борьбе⁸. Не очень ясно, в течение какого времени Пумпянский был активным участником кружка, но он был арестован 24 декабря 1928 г., хотя его и отпустили четыре дня спустя с формулировкой «освобождение его из-под стражи не повлияет на дальнейший ход следствия»⁹. Об аресте Пумпянского свидетельствует Анциферов, утверждающий, что он встретился с ним в «Доме книги» некоторое время спустя после его освобождения:

⁵ Нужно упомянуть противоположные позиции В. Г. Белоуса и Н. И. Николаева на вопрос об изгнании/добровольном уходе Пумпянского из «Вольфила». См. *Н. И. Николаев. Комментарии // Л. В. Пумпянский Классическая традиция. М., 2000. С. 744—746. В. Г. Белоус Вольфила в двух томах. СПб., 2005. Т. 2, примечание № 21. С. 713; В. Г. Белоус. Вольфила, или кризис культуры в зеркале общественного самосознания. СПб., 2007. С. 385.*

⁶ *Б. С. Брачев. Русское масонство XVIII—XX вв. СПб., 2000. С. 395.*

⁷ *В. В. Антонов. «Воскресенье» Мейера и «воскресники» Назарова. Невский Архив. Историко-краеведческий сборник. Вып. IV. СПб., 1999. С. 288.*

⁸ См. *Г. П. Федотов. Лицо России. Париж. 19882. С. XI, XII; Н. П. Анциферов. Из дум о былом. М. 1992. С. 325; В. В. Антонов. «Воскресенье» Мейера и «воскресники» Назарова. Невский Архив. Историко-краеведческий сборник. Вып. IV. СПб., 1999. 289, 293, 297, 306.*

⁹ *Ю. П. Медведев. «Воскресенье». К истории религиозно-философского кружка А. А. Мейера // Он же. Диалог. Карнавал. Хронотоп. № 4. 1999. С. 90.*

Вскоре в «Доме книги» на лестнице я встретил Пумпянского. Он шарахнулся от меня, как от заразного. А месяц спустя там же сам подошел ко мне и тихо сказал: «Прошло уже время, и я могу говорить, не волнуя вас [*sic!*] Следователь, ведущий дело Мейера, просил меня передать вам [*sic!*] и М. В. Юдиной, чтобы вас [*sic!*] не беспокоил арест Мейера. Вас к этому делу не привлекут.» Видя мое удивление, Пумпянский поспешно добавил: «Вы, может быть, не знаете, что я был тоже арестован, а теперь на воле. Я молчал месяц, чтобы вы [*sic!*] поверили моим словам. Месяц прошел, а ни вас [*sic!*], ни М. В. Юдину не трогают. Теперь вы [*sic!*] можете положиться на обещание следователя¹⁰.

Можно определить ленинградские годы как самые плодотворные в деятельности Пумпянского. Они разделяются на три периода: «невельский» (1922—1926), «социологический» (1927—1932) и «академический» (1932—1940). Несмотря на это, пожалуй, по всей видимости твердое разграничение периодов, можно общие черты для всех трех разных моментов. Начнем с первого.

В 1924 г., после возвращения в Ленинград М. М. Бахтина, невольский кружок вновь возобновил свою деятельность¹¹ и даже приобрел новых членов. Случайным участником был Н. И. Конрад (1891—1970), будущий академик востоковед, имя которого появляется в записках Пумпянского в мае-июне 1924 г.¹²; кроме него, к кружку присоединился Конст. Вагинов (1899—1934), личность и творчество которого, как мы ниже рассмотрим, сыграли важную роль в биографии Пумпянского. Постоянными посетителями кружка были геолог Б. В. Залесский (1887—1966), биолог И. И. Канаев (1893—1983) и индолог М. И. Губянский (1893—1943). Известно, сколь многообразной была гамма вопросов, обсуждавшихся в кружке: от Канта до Фрейда, от Пруста до Бергсона, от марксизма до формального метода, от теологических проблем до интереса к сверхъестественному. Доклад Пумпянского <О марксизме>¹³ был прочитан и обсужден именно на одном из заседаний этих «кантовских» семинаров¹⁴. Доклад <О марксизме> свидетельствует о неприязни большинства невольцев к марксистским теориям¹⁵. Но нужно отметить, что интерес литературоведа к марксизму обнаружился уже в «Вольфиле»: 19-ого июня 1922 он принял участие вместе с философом А. З. Штейнбергом в диспуте о философии марксизма¹⁶. Мы также зна-

¹⁰ Н. П. Анциферов. Из дум о былом. М., 1992. С. 327.

¹¹ См. Н. И. Николаев. Лекции и выступления М. М. Бахтина в 1924—1925 гг. в записях Л. В. Пумпянского // Л. А. Гоготишвили, П. С. Гуревич. М. М. Бахтин как философ. М., 1992. С. 222; Н. И. Николаев. Энциклопедия гипотез // Л. В. Пумпянский. Классическая традиция. М., 2000. С. 15.

¹² Н. И. Николаев. Лекции и выступления М. М. Бахтина в 1924—1925 гг. в записях Л. В. Пумпянского // Л. А. Гоготишвили, П. С. Гуревич. М. М. Бахтин как философ. М., 1992. С. 233.

¹³ См. Л. В. Пумпянский. <О марксизме> (Подготовка текста и публикации Н. И. Николаева) // Литературоведение как литература: Сборник статей в честь С. Г. Бочарова. М., 2004. С. 331—338.

¹⁴ Н. Марчалис. *Wachtin's Circle* // «Russian Literature» XLI. 1997. С. 279; А. М. Кузнецов. М. В. Юдина — новое понимание реальности. Очерк жизни и творчества // М. В. Юдина. Обреченная абстракции символикe и бесплатности музыки. Переписка. 1946—1955 гг. М., 2008. С. 12.

¹⁵ См. Н. И. Николаев. Невельская школа философии и марксизм (Доклад Л. В. Пумпянского и выступление М. М. Бахтина) // Литературоведение как литература: Сборник статей в честь С. Г. Бочарова. М., 2004. С. 327.

¹⁶ Н. И. Николаев. Комментарии. С. 744 // Л. В. Пумпянский. Классическая традиция. М., 2000;

ем, что в 1923 г. критик читал книгу «Кант и Маркс» немецкого философа Карла Форлендера, где утверждалась необходимость соединения марксизма с этической концепцией кантианства¹⁷.

В 1922—1924 гг. Пумпянский продолжил свою преподавательскую деятельность, к которой он приступил в марте 1921 г., в бывшем Тенишевском училище — о его курсах и других его докладах дошли до нас свидетельства его ученика, музыкального критика и впоследствии директора Ленинградской Филармонии И. И. Соллертинского¹⁸, — где читал курсы, посвященные Гоголю¹⁹, Лермонтову (1922) и русской классической поэзии. В рамках рассмотрения русского классицизма им были прочитаны курсы «История новой русской литературы» (1921—1922)²⁰ и «История русской классической литературы» (1923), переработанные затем в так и оставшийся незавершенным вариант «К истории русского классицизма» (1923—24)²¹. Записи Пумпянского этого периода²² показывают, что темы, бывшие предметом анализа в Невеле в 1919 г. — творчество Канта, философия религии, этика, эстетическая деятельность — продолжают занимать особое место не только в собраниях кружка, восстановленного в Ленинграде, но и в сфере интересов самого Пумпянского. Между тем, доклады, сделанные им в Невеле (1918—1919), представляют собой ядро идей последующих работ, созданных в тот период, который мы условно определяем как «невельский» (1922—1926), поскольку именно в эти годы возобновились заседания участников Невельской школы философии. «Опыт построения релятивической деятельности по “Ревизору”» (1919) и прочитанный в «Вольфиле» доклад «Размышления о “Ревизоре” Гоголя» (17 мая 1921 г.) предворяют расширенные и систематические разборы произведений Гоголя. Действительно, в 1922 г. филолог начинает работу над оставшейся незавершенной книгой «Гоголь», впервые частично опубликованной в 1984 и 1986 гг.²³, изданной полностью в 2000 г.²⁴ В эти годы он работал усердно над «Мертвыми душами» и «Тарасом Бульбой», пользуясь третьим томом «Сочинений» Гоголя (издание 1889 г. под редакцией Н. Ти-

В. Г. Белоус. Вольфила в двух томах. СПб., 2005. Т. 2. С. 356.

¹⁷ Н. И. Николаев. Невельская школа философии и марксизм (Доклад Л. В. Пумпянского и выступление М. М. Бахтина) // Литературоведение как литература: Сборник статей в честь С. Г. Бочарова. М., 2004. С. 324.

¹⁸ См. Л. В. Михеева. И. И. Соллертинский. Жизнь и наследие. Л., 1988. С. 24, 27—31, 36.

¹⁹ См. Н. И. Николаев. Творчество Гоголя в исследованиях Л. В. Пумпянского // Преподавание литературного чтения в эстонской школе: Методические разработки. Таллин, 1986. С. 92.

²⁰ Кроме анализа поэзии Кантемира, Третьяковского, Ломоносова и Державина, часть данного курса посвящена поэтике Лермонтова. Эти страницы были написаны с 17 мая по 21 июня 1922 г. и опубликованы впервые в 2000 г. См. Л. В. Пумпянский. Лермонтов // Он же. Классическая традиция. М., 2000. СС. 599—647; Н. И. Николаев. Комментарий. С. 824—831 // Л. В. Пумпянский. Классическая традиция. М., 2000. ²¹ См. Н. И. Николаев. Комментарий // Л. В. Пумпянский. Классическая традиция. М., 2000. С. 651.

²² О содержаниях тетрадей см. Л. В. Пумпянский. Лекции и выступления М. М. Бахтина в 1924—1925 гг. в записях Л. В. Пумпянского (подготовка текста и примечания Н. И. Николаева) // Л. А. Гоготилишвили, П. С. Гуревич. М. М. Бахтин как философ. М., 1992. С. 232—246.

²³ Л. В. Пумпянский. Вечера на хуторе близ Диканьки и Л. В. Пумпянский. О «Записки сумасшедшего» Н. Гоголя // Преподавание литературного чтения в эстонской школе: Методические разработки. Таллин, 1986. С. 100—126.

²⁴ Л. В. Пумпянский. Гоголь // Он же. Классическая традиция. М., 2000. С. 257—342.

хонравова). На страницах этой книги, хранящейся в Отделе редких книг Научной библиотеки С.-Петербургского государственного университета²⁵, проведена тщательная каталогизация исторических, стилистических, языковых и других особенностей романа и повести, которую Пумпянский осуществил, выделив и подчеркнув разными цветами (синим, красным, розовым и черным карандашами) различные абзацы, словосочетания и отдельные слова, а также добавив записи, сокращения в которых можно расшифровать благодаря легенде, помещенной в начале тома. Там, в частности, представлены такие литературные и лингвистические категории: «abs<urde> = бессмыслица, словесный бред»²⁶ и «яз. <ык> = особенность языка Т. <араса>»²⁷, а также такие феномены как «механизация слов»²⁸.

Культурно-философская активность Пумпянского, начатая в невеликие годы, продолжалась вплоть до 1926 г. В 1927 г. он резко отверг научное направление, которого до тех пор придерживался, для того, чтобы перейти на марксистские позиции²⁹. Этот выбор, связанный с отрицанием предыдущей методологии, оказался исключительно драматичным и для друзей Пумпянского, и для самого критика, раздираемого противоречиями между марксизмом и прежними философскими исканиями. Проблематичность этого решения с большой точностью показана в романе «Козлиная песнь» (1927—1928) К. Вагинова, в котором один из главных персонажей, гротескный интеллигент Тептелкин, живет как бы *в подвешенном состоянии между* миром Гиперурии и реальностью нового режима, рожденного революцией. В итоге он обращается к «кредо» идеологии нового советского общества. Как известно именно Тептелкин является пародийной карикатурой Пумпянского³⁰, придумавшего самое имя «Тептелкин»³¹.

Описанный переход должен восприниматься и пониматься в рамках более широкого контекста и должен учитывать также позицию самого Бахтина во второй половине 20-х гг., когда философ издал под именами своих друзей книги «Фрейдизм», «Формальный метод в литературоведении» и «Марксизм и философия языка». Надо сразу уточнить, что как «марксизм» Пумпянского, так и Бахтина, решительно отличается от догматической

²⁵ По указаниям Н. В. Гоголь, Сочинения Н. В. Гоголя. М. 1889. Т. 3. ОРК НБ СПбГУ; ОРК, инв. 13924.

²⁶ ОРК НБ СПбГУ; ОРК, инв. 13924.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ См. Н. К. Чуковский. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 189—190; В. Л. Махлин. Невельская школа // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 363; Н. И. Николаев. Энциклопедия гипотез // Л. В. Пумпянский. Классическая традиция. М., 2000. С. 22; М. М. Бахтин. Беседы с Дувакиным. М., 2002. С. 262; Н. И. Николаев. Невельская школа философии и марксизм (Доклад Л. В. Пумпянского и выступление М. М. Бахтина) // Литературоведение как литература: Сборник статей в честь С. Г. Бочарова. М., 2004. С. 323.

³⁰ Кожин В., Конкин С. Михаил Михайлович Бахтин: Краткий очерк жизни и деятельности // Проблемы поэтики и истории литературы. Сб. статей. Саранск, 1973. С. 7; М. О. Чудакова, Е. А. Тоддес. Прототипы одного романа // Альманах библиофила. М., 1981. Вып. X. С. 175; Т. Л. Никольская. Константин Вагинов, его время и книги // Вагинов К. Полное собрание сочинений в прозе / Под ред. А. И. Вагиновой, Т. Л. Никольской, В. И. Эрля. СПб., 1999. С. 10.

³¹ Н. И. Николаев. Энциклопедия гипотез // Л. В. Пумпянский. Классическая традиция. М., 2000. С. 23.

большевистской идеологии, и только в неизданной книге «Литература современного Запада и Америки» (1930) он иногда превращался в вульгарный социологизм³².

К т. н. «социологической» фазе (1927—1932) принадлежат — предисловие к тому «Сочинений» А. С. Пушкина³³, доклад «Основная ошибка романа «Зависть»³⁴, статьи о Тургеневе, включенные в издание собрания сочинений писателя³⁵, и неизданная книга «Литература современного Запада и Америки» (*Архив Пумпянского*). Социологизм этих лет не препятствовал Пумпянскому продолжать свои исследования, посвященные о поэтике русской литературы, как это доказывают статьи о Тургеневе, и применить принципы исторической поэтики А. Веселовского к рассмотрению советской литературы. После 1932 г., когда отказ от издания его книги о поэтике Дж. Джойса показал ему несовместимость его социологизма с догмами официальной критики, он отошел от этого направления предыдущих лет (1927—1932), и началась та фаза его деятельности, которая в соответствии с общим характером его работ этого времени, определяется как «академическая».

С 1934 г. по 1936 г. Пумпянский был профессором Ленинградской Консерватории³⁶ и с 1936 г. до своей кончины преподавал в Ленинградском Государственном Университете³⁷. Как вспоминает Л. М. Лотман, на филологическом факультете исследователь читал курсы по истории русской литературы второй половины XIX века³⁸, Л. М. Лотман, написавшая дипломную работу под руководством Пумпянского, называет своего учителя «замечательным ученым», «выдающимся ученым-филологом»³⁹, «литературоведом, философом, ученым, отличавшимся невероятной эрудицией», лекции которого имели глубокое и богатое содержание⁴⁰. Вот, как она вспоминает об эрудиции Пумпянского, добавляя некоторые любопытные подробности о его беседе с Гуковским в коридоре филологического факультета:

Эрудиция Пумпянского была притчей во языцех, о ней рассказывали ле-

³² См. Н. И. Николаев. Невельская школа философии и марксизм (Доклад Л. В. Пумпянского и выступление М. М. Бахтина) // Литературоведение как литература: Сборник статей в честь С. Г. Бочарова. М., 2004. С. 323.

³³ <Л. В. Пумпянский>. Предисловие // А. Пушкин. Сочинения. М.—Л., 1928. С. V-XI.

³⁴ Л. В. Пумпянский. Основная ошибка романа «Зависть» // Л. В. Пумпянский. Классическая традиция. М., 2000. С. 551—557.

³⁵ Л. В. Пумпянский. Романы Тургенева и роман «Накануне». Историко-литературный очерк // *Он же*. Классическая традиция. М. 2000. С. 381—402; Л. В. Пумпянский. «Отцы и дети». Историко-литературный очерк // *Там же*. С. 403—426; Л. В. Пумпянский. Тургенев-Новеллист // *Там же*. С. 427—447; Л. В. Пумпянский. Группа «таинственных повестей» // *Там же*. С. 448—463; Л. В. Пумпянский. «Дым». Историко-литературный очерк // *Там же*. С. 464—481; Л. В. Пумпянский. «Новь». Историко-литературный очерк // *Там же*. СС. 482—488. Л. В. Пумпянский. Тургенев и Флобер // *Там же*. С. 489—505.

³⁶ Имя Л. В. Пумпянского обнаруживается и в учебном плане Факультета Литературы и Театра Общегородского Университета Культуры за 1934—1935 гг. и 1935—1936 гг. См. Общегородской Университет Культуры. Учебный план и условия приема 1934—35 г. Л., 1935. С. 1, 8; Общегородской Университет Культуры. Учебный план условия и приема 1935—36 г. Л., 1936. С. 15. В плане найдем и имена Г. А. Гуковского, В. А. Десницкого и Н. К. Пиксанова.

³⁷ Н. И. Николаев. Энциклопедия гипотез // Л. В. Пумпянский. Классическая традиция. М., 2000. С. 27.

³⁸ Ср. Л. М. Лотман. Воспоминания. СПб., 2007. С. 81, 105.

³⁹ *Там же*. СС. 105, 112.

⁴⁰ *Там же*. С. 81.

генды, утверждали, что его можно спросить о любом малоизвестном или вообще неизвестном факте из истории мировой литературы, и он немедленно даст точную справку. Готовясь к экзамену, мы трепетали и изготовили шпаргалки, содержавшие краткие фактические данные из конспектов его лекций. Находясь в коридоре во время экзамена, я случайно «подслушала» разговор Гуковского с Пумпянским. Григорий Александрович сообщал Льву Васильевичу: «Они уже вытащили шпаргалки и, кажется, успокоились»⁴¹.

Также будущий исследователь русской литературы XVIII-XIX вв. Г. А. Макогоненко, ученик Гуковского, — который о нем говорил: «Г. П. Макогоненко является совершенно очевидно в высшей степени талантливым молодым ученым»,⁴² — слушал те же курсы Пумпянского, что и Л. М. Лотман. Из письма Пумпянского в редакцию журнала «Литературный критик» 25 сентября 1938 г. мы узнаем, что он рекомендовал редакции журнала издать статью Макогоненко «О политическом смысле романа Тургенева “Новь”»⁴³, опубликованную в 1939 г. в «Ученых записках ЛГУ» и в «Литературном современнике»⁴⁴. Благодаря знакомству с Гуковским, на протяжении 30-х гг. Пумпянский принимал активное участие в работе сектора русской литературы XVIII века Пушкинского дома. Во время одного из его заседаний, вероятно в январе-феврале 1934 г., где присутствовали среди других М. П. Алексеев, В. М. Жирмунский, П. Н. Берков, Г. А. Гуковский и В. Н. Перец, Пумпянский читал свой доклад «Кантемир и итальянская культура», вызвавший оживленную дискуссию⁴⁵. В 1937 г. он издал очерк «Тредиаковский и немецкая школа разума», первое советское исследование, где впервые сформулировано понятие литературное «барокко»⁴⁶, и вскоре завершил вторую часть очерка — «Ломоносов и немецкая школа разума», которая впервые появилась в печати в 1983 г.⁴⁷

В 1936—1938 гг. он сосредоточился на анализе творчества А. С. Пушкина и принял участие в заседаниях Пушкинской комиссии в Пушкинском Доме. В сдвоенном — четвертом и пятом — номере «Временника Пушкинской Комиссии»⁴⁸, вышла его статья «“Медный всадник” и поэтическая тра-

⁴¹ Там же. С. 112.

⁴² В. М. Маркович, А. А. Карпов. Памяти Георгия Пантелеймоновича Макогоненко. Сборник статей, воспоминаний и документов. СПб., 2000, С. 6.

⁴³ См. РГАЛИ, Ф. 614, (Редакция журнала «Лит. критик»), оп. 1, ед. хр. 10, л. 238. Переписка Л. В. Пумпянского с редакцией «Литературного критика» будет опубликована нами в Тургеневском сборнике, Вып. 2. См. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. Тургеневский сборник. Вып. 2. СПб (в печати).

⁴⁴ См. Г. П. Макогоненко. Политический смысл романа «Новь» // Учение записки ЛГУ. № 47. Т. 4. 1939. С. 248—272; Г. П. Макогоненко. Политический смысл романа «Новь» // Литературный современник. № 7—8. Л., 1939. С. 260—270.

⁴⁵ См. СПФ АН, ф. 150 (Институт русской литературы АН ИРЛИ), оп. 1 (1934), протоколы заседаний отделов ИРЛИ за 1934 г., дело № 6. Очерк был опубликован в первом выпуске сборника «XVIII век» за 1935 г. См. Л. В. Пумпянский. ? Благодарим сотрудника группы «XVIII века» Пушкинского Дома, Андрея Александровича Костина, за совет обратиться к этим материалам.

⁴⁶ Л. В. Пумпянский. Тредиаковский и немецкая школа разума // Западный сборник. I. М., 1937. С. 160.

⁴⁷ Л. В. Пумпянский. Ломоносов и немецкая школа разума (подготовка текста и примечания Н. И. Николаева) // XVIII век: Сб. 14: Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 3—44.

⁴⁸ См. СПФ АН, ф. 150 (Институт русской литературы АН ИРЛИ), оп. 1 (1939), т. 1, дело № 37,

диция XVIII века»⁴⁹.

В середине 30-х гг. Пумпянский был неотъемлемой частью академического сообщества, В эти годы его связывали дружеские отношения с известным историком литературы и теоретиком русского формализма в 1920-е гг. Б. М. Эйхенбаумом⁵⁰. После нескольких месяцев болезни он скончался в Ленинграде 6 августа 1940 г. от рака печени⁵¹.

Витебский музыкальный комиссар

А. Г. ЛИСОВ, Е. Г. ТРУСОВА

Сотрудничество авторов этой статьи в проекте Николая Алексеевича Панькова, журнале «Диалог. Карнавал. Хронотоп» началось в 1996 году статьей «Реплика по поводу автобиографического мифотворчества М. М. Бахтина», напечатанной в №3 издания за тот год. Статья опирается на архивные изыскания, которыми Николай Алексеевич сам много занимался. К этому времени журнал выходил уже три полных года (если не считать год 1992, когда вышел первый и единственный №1). В нем к тому времени публиковались уже многие известные российские и зарубежные ученые-бахтинисты, что стало возможным благодаря собственной научной деятельности Николая Алексеевича и благодаря его уверенности в необходимости привлекать к сотрудничеству авторов с разными, нередко, сталкивавшимися позициями во взглядах на М. М. Бахтина, его концепции, творческое наследие.

Одним из направлений деятельности журнала стала проблема «круга Бахтина». Само понятие это требует, как нам кажется, уточнения. Если речь идет о круге единомышленников, то люди эти могут быть вовсе не обязательно близкими в своем присутствии географическом, но и находящимися на расстоянии, значительном географическом удалении друг от друга. Круг общения Бахтина, в котором проявлялся интерес к общим пробле-

протоколы редколлегии «Временника» Пушкинской комиссии, 1939, л. 60.

⁴⁹ Л. В. Пумпянский. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века // Пушкин: Временник Пушкинской Комиссии. М.—Л., 1939. Вып. 4—5. СС. 91—124.

⁵⁰ РГАЛИ, Ф. 1527 (Б. М. Эйхенбаум), оп. 1, ед. хран. 552 (Письма к Эйхенбауму) 1937. VI. 10—1940. II. 11, лл. 1—7. Письма Пумпянского Эйхенбауму находятся в печати.

⁵¹ Н. И. Николаев. Энциклопедия гипотез // Л. В. Пумпянский. Классическая традиция. М., 2000. С. 27.